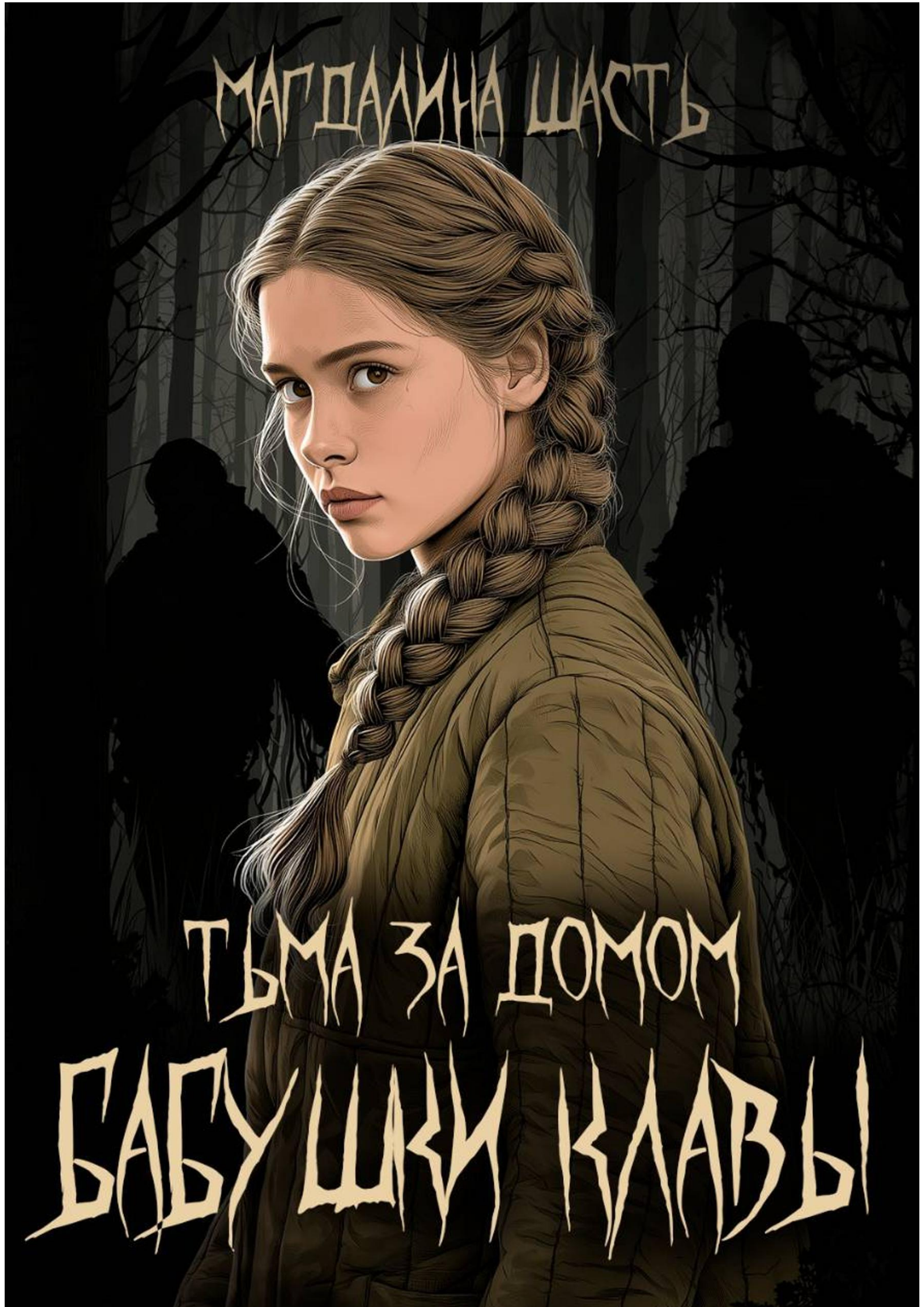
МАГДАЛИНА ШАСТЬ
ТЬМА ЗА ДОМОМ
БАБУШКИ КЛАВЫ

Магдалина Шасть

Тьма за домом бабушки Клавы

«Автор»
2026

Шасть М.

Тьма за домом бабушки Клавы / М. Шасть — «Автор», 2026

70-е. СССР. В безымянном присёлке деревни Кислинкино тяжелеет некрасивая глухонемая девка Клавдия. Пытаясь уберечь дочь от позора, мать Клавдии Ксанка проводит расследование, и её подозрения падают на заезжего паренька Тимоху: он весёлый и с гармошкой. Ксанка и её братья прижимают Тимоху к стене: либо он женится на нелюбимой, либо бесследно сгинет на торфяных болотах. Наши дни. Россия. Общительный и лёгкий на подъём внук Тимохи отправляется в Кислинкино на поиски близких родственников, но находит там настоящий ад на земле.

© Шасть М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. В добрый путь 7
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Магдалина Шасть
Тьма за домом бабушки Клавы

Пролог

Несмотря на столь поздний час, в небогато обставленной, но тёплой и уютной избе было светло – удивительно, но электричество работало исправно. Пахло аппетитно, будто в обеденный перерыв в студенческой столовой: кислыми щами, ржаным хлебом, иван-чаем и сушёными грибами, но перепуганному до смерти Тимоше было не до полуночной трапезы.

– Скажи ты им, скажи! – бился он, худощавый и круглолицый, совсем ещё дитя, в крепких мужских руках, и его фирменный румянец во всю щёку становился от волнения особенно ярким, будто лицо измазали толчёной малиной, – Скажи, что это не я!

Избушка, куда притащили его, сонного, стояла на отшибе присёлка, поодаль ото всех, что указывало на крайнюю нелюдимость проживающего здесь семейства, а дальше, на северо-восток простирались бескрайние гиблые болота. Глухомань, в которую сам дьявол не суётся.

– Скажи! – выдохнул Тимоша, изнемогая от тревожной неизвестности, и замер, ожидая очевидного ответа.

Высокая, выше захваченного в плен Тимоши почти на голову, ширококостная и пухлогубая девка в мешковатом платье лишь глуповато улыбалась, обнажая кривые зубы. Она застенчиво теребила толстую русую косу, единственное своё девичье богатство, и не произносила ни слова.

– Моя доченька немая! Ирод проклятый, чтоб ты сдох! Как она ответит-то?! Не смей над Клавушкой измываться! Тащите его, братушки, на болота, тащите, милые! – заорала что есть мочи баба в красном сарафане, мать потерпевшей, – Болотные люди будут тебе, кудрявому козлёнку, рады, – она хрипло и зловеще хохотнула, – Говори: любишь мою Клавушку? Проси у меня, матери, за свой стыд и срам прощения!

«Братушки», двое огромных детин, каждый метра под два ростом, с покатыми лбами и глубоко посаженными карими глазами, похожие друг на друга, как братья-близнецы, радостно подхватили Тимошку под руки и живо потащили его из дому. Отворилась с оглушающим грохотом дверь, отрывисто завизжали несмазанные петли, в пылающее лицо Тимохи пахнуло запахом прелых листьев и осенней сырости.

– Стойте! – закричал он, захлёбываясь от ужаса, – Стойте! Не надо!

– Стойте, братушки, разве ж мы с вами звери? От болотных людей никто живым не уходил, а мальчик нам чего-то сказать хочет. Говори, паренёк, не бойся! Любишь мою Клавушку? – голос матери приобрел вкрадчивый тембр и заискивающие нотки, – Любишь?

«Братушки» покорно остановились, но хватку не ослабили. Эти двое хоть и не выглядели шибко мудрыми, но действовали так слаженно, будто были не обычными деревенскими мужиками, а тюремными надсмотрщиками.

На небе светила полная, невероятно яркая луна, наблюдая за человеческой драмой с брезгливым равнодушием, где-то совсем рядом шумели сосны, насыщенный хвойный аромат которых прочищал носовое дыхание и дурманил кровь, и невольно Тимоха вспомнил о том, что раньше ему вполне здесь, под Кислинкино, нравилось. Здесь ему хотелось дышать и петь, и растягивать меха своей гармошки до предела, наслаждаясь вниманием симпатичных девок.

Стоит ли правда его молодой, не распробованной толком жизни? Да, Клавушка – последняя, на кого лёг бы его замыленный пригожими девичьими лицами глаз, но кто ж ему, охочему до нежных объятий и сладких поцелуев, поверит? Слава о его «геройствах» впереди него слышна, как гудок паровоза.

Разве не он уединялся под медоносной липой с первыми красавицами деревни, разве не по нему сохли они душными летними ночами?

Любили его девчата – Тимофей в это верил.

Он понимал, что некрасивой, крепко сбитой Клавушке тоже хотелось личного счастья, и подозревал, что именно поэтому она вероломно указала на него, глухонемая дурёха. Мало ли, что там у девы юной приключилось? В её возрасте они все по любви тоскуют, хоть видные, хоть дурнушки.

Может, заартачился её полюбовничек, неприветливых родственничков побоялся, да и смылся, подальше от греха, куда глаза глядят, в город тот же, или хлыщ женатый поигрался с бесхитростной девкой, а самому вовсе не до невест.

Но почему именно он? Разве мало на селе других кандидатов? Тимоша глубоко вдохнул, медленно выдохнул – кандидатов, может, много, но он такой один. Несмотря на шаткое положение, ему стало приятно. Никто из местных в подмётки ему не годится! Он тут первый парень на весь район, самый завидный жених, городской, талантливый и симпатичный!

И на сегодняшний час существовало лишь одно верное решение: надо судьбу горькую принять, смириться, подробно изучить все обстоятельства дела и действовать в свою пользу.

Разве так трудно притвориться, что Клава – его выбор, втереться в доверие и сбежать при первом удобном случае? Что ему, весёлому, сообразительному парню, стоит облапошить неграмотную бабу и двух её угрюмых прихвостней?

А там, может, и настоящий виновник Клавушкиной «беды» найдётся: тот дурила обмороженный, кто на её никому не нужную честь позарился.

– Я… – начал было он и кинул затравленный взгляд на ту, что собиралась отнять его покой, – Я… – он никак не мог собраться, чтобы произнести те самые, заветные слова.

– Мама, – подсказала ему баба в красном сарафане, – Можешь называть меня мамой, сынок, – её голос стал ласковым и чарующим, как звуки скрипки.

– Ма-ма, – повторил за ней раскисший, как горбушка белого хлеба в парном молоке, Тимоша, и уронил кучерявую голову на грудь.

– Вот и молодец, – солирующая «скрипка» снова сменила свой тембр: стала резкой и визгливой, – Заприте его в баньке, братушки, пусть подумает, как себя вести, чтоб нам понравиться. Где его паспорт? Свадебку сыграем, как и положено, никто не посмеет рот разинуть и сбрехать, что Ксанкина дочь в подоле принесла! Никто.

Глава 1. В добрый путь

Развели нас с тобой обстоятельства,
Замело путь обратно порошей,
Не простишь ты меня за предательство,
Но ты в сердце моём. Твой Тимоша.
***

Последнее время дед Тимофей ходил сам не свой: угрызения совести, подогреваемые старыми болячками, заставляли его раз за разом вспоминать события давно сгинувших в межвременье лет и взахлёб рассказывать о них внуку Захару.

По словам деда, брошенная им супруга, по совместительству Захарова бабушка, проживала, вместе с сыновьями, в одном из красивейших и загадочных мест Западной Сибири: в безымянном присёлке населённого пункта Кислинкино, славившегося своими бескрайними сосновыми лесами и опасными торфяниками.

Дед то бессвязно восторгался суровым великолепием дикой природы, пугая внука зловещими рассказами о прОклятых торфяниках, то глупо улыбался, вспоминая о небывалой стати местных красавиц, то по-стариковски рыдал, ругая себя за трусость и предательство.

Захар с изумлением слушал дедовы рассказы о том, как тот по покинутой супруге скучал, безуспешно пытался отыскать её в соцсетях и душевно мучился. Никогда ранее эта тема в их семье не поднималась, мать давно привыкла считать себя полусиротой, а сам Захар тем более не заморачивался.

Дед всю жизнь прожил бобылём: не подпускал к себе женщин и всякий раз, когда его пытались с кем-то познакомить, выходил из себя.

– Не нужно мне этого, – бурчал он и сильно хмурился, – Один раз я достаточно горя хлебнул, другого раза не будет.

Но получается, что бабушка жива и семью не бросала, а во всём виноват дед и его непонятные обиды?

Любопытный Захар хотел разгадать загадку торфяных болот, а заодно воссоединить их распавшееся несколько десятилетий назад семейство, поэтому, недолго думая, набросал себе примерный маршрут, купил билет на поезд и уже собрал в рюкзак всё необходимое, когда вспомнил вдруг, что не знает ни бабушкиного имени, ни фамилии, и никогда не видел её фотографий.

Такой уж Захар уродился: авантюрист, любитель приключений, принимавший решения спонтанно, по ходу дела, а вот по части основательного планирования – не специалист.

Недолго думая, он отправился к деду на дачу, твёрдо уверенный в том, что выпытает у того всю необходимую для успешных поисков информацию.

Но всё пошло наперекосяк прямо с порога: беседа не заладилась. Узнав, что внук собрался в Кислинкино, дед заметно испугался, побледнел лицом, засуетился и позвал его в пропахший скисшим молоком дом, подальше от соседских ушей.

– Дались тебе эти родственники, Захар! Отец с матерью – твоя семья. Учись хорошо, не расстраивай мамку! Нечего тебе в Кислинкино делать, нежилые там места, заброшенные! – зашипел на Захара дед, пытаясь отговорить его от запланированной поездки, – Четыре хаты, да и те таёжные черти на кирпичи растащили!

– Не пойму я тебя, дед, – Захар не сдавался, – Я мир посмотреть хочу, с дядьками познакомиться, с бабушкой. Ты же сам говорил, что там прикольно: тайга, торфяники, девчонки красивые.

– Ох, зря я тебе обо всём рассказывал! Дурак я дурак, не надо туда ехать, Захарка! Пропадёшь, внучек! Заклинаю тебя, родной, не делай этого! – дед устало опустился в кресло и

схватился за сердце, – От девок одно несчастье, верь мне! А на болотах комары в пол-ладони, с хоботком размером с мизинец! Такой присосётся, всю кровищу выпьет, как тот вурдалак!

– Дед, да ты что? С сердцем плохо? Давай скорую вызову! – Захар положил ладонь на дедово плечо, мягко улыбнулся, – Не беспокойся за меня, не тот я человек, чтоб при виде девчонки паничку ловить, а от комаров репелленты с фумигаторами возьму.

– Знаю, что ты, как и я, отчаянный, потому и говорю, – дед обречённо склонил седую голову, словно с чем-то смиряясь, – Не надо мне скорую, когда настанет мой черёд, я и сам почувствую, а сегодня не моё время. Клавушкиной фотографии у меня нет.

– Клавушка? Клавдия по-русски, да?

– Не перебивай! Не нужно тебе туда ехать, Захарка, разочаруешься и в большую беду попадёшь… Ладно, раз такое дело, расскажу тебе всё, как есть. Ты ж у меня упрямый… – выронил он, приглушая голос.

– Что ты мне расскажешь? Я сто раз про твою токсичную тёщу слышал, как ты от бабушки с мелкой сбежал, а сыновей ей оставил. Сам-то не душни, дед, не уподобляйся, у меня и так от твоих историй голова квадратом, – отмахнулся Захар, опережая слезливые дедовы рассказы, – Сентиментальный ты. А я для тебя стараюсь, между прочим. Я всё разрулю и порешаю, тебя с бабушкой помирю, не дёргайся и успокойся, – он шмыгнул носом, развернулся и стремительно понёсся на выход.

– Стой, Захар! Стой! Твои… дядьки… они нездоровы! – завопил дед ему вдогонку, – Да и не твои они дядьки! Не от меня они!

– Ну началось «Мужское-женское»! – Захар с шумом выдохнул, закатил глаза, – Неинтересно мне, говорю же! – и с силой дёрнул ручку двери, – Не нервничай, дед, тебе вредно, я сам во всём разберусь, верь!

Во всём он был порывистый и упрямый, и никогда других не дослушивал, а, если б дослушал откровения дедушки, может, и забыл бы, что есть на свете место такое: Кислинкино, сидел бы на попе ровно и мать не расстраивал.

На улице было душно и тихо, как перед скорой грозой, ленивое солнце безбожно припекало макушку парня, и хотелось поскорее прыгнуть в салон авто, чтобы включить спасительный кондёр.

Лето. Самое время для дальних путешествий, новых знакомств и невероятных событий, и лёгкий на подъём Захар не собирался изнывать от скуки и киснуть в четырёх стенах. Он был уверен, что дед обязательно поймёт его со временем, удивится, как легко внук решил его надуманные, раздутые до размера небоскрёба проблемы, а за то, что с родственниками помирил, ещё и спасибо скажет!

Но пока Захар бежал к своему подержанному, повидавшему виду «Солярису» в его голове вертелась прилипчивая мысль: зачем дед завёл разговор о том, что его дети «не от него»? А от кого же тогда? Значит, бабушка не была деду верна? Потому и бросил её дед? Во все времена существовали легкомысленные женщины, даже в дедовы косматые годы. Правда, тогда ещё меньше понятно, почему дед во всём винит себя и называет предателем…

И… если дядьки неродные, может и он, Захар, деду не родной? Выглядело, как подстава!

Не-ет! Он-то точно был со своим дедом в самом прямом родстве: такой же кучерявый и симпатичный, как и тот в молодости, только без гармошки. Если по фото сравнивать – одно лицо, разве что глаза у деда голубые, а у Захара раскосые и тёмно-карие, почти чёрные.

Как у мамы.

Цыганские глаза.

Выходит, бабушка Клава тоже кареглазая?

Захар привычно провернул ключ в замке зажигания, выжал сцепление, небрежно дёрнул передачу, глубоко вздохнул, убедил себя, что дед над ним подшутил, и резко газанул.

Странная история.

Наверняка старик боялся последствий воссоединения с семьёй и осуждения за свой побег, потому о бабушкиной неверности и наврал. С этого момента Захара волновало только будущее, а в будущем его ждало невероятное приключение, возможно самое лучшее приключение в жизни!

***

Сквозь ресницы Тимоша видел, как склонилось над ним хмурое лицо бабы, заставлявшей его называть себя «мамой», но притворялся, что всё ещё без сознания. Он не понимал, как получается у него не дёргаться после того ужаса, который пережил всего пару минут назад.

– Вы чего с женихом сделали, ироды?! Оська, остолоп, чё с ним? С кем моя доченька под венец пойдёт, он же как дохлый валяется?! Ни на минуту вас одних оставить нельзя! – вопила Ксанка, сменившая свой привычный красный сарафан на нарядное цветастое платье.

Сегодня у Тимохи с Клавушкой было назначено бракосочетание во дворце, и по такому случаю всё семейство приоделось: Оська щеголял в белой, украшенной вышивкой косоворотке, а его брат-близнец Федька напялил на себя клетчатый пиджак. Даже жившему, как арестант, Тимоше новый костюм выдали. А вот невесту он всё ещё не видел: её платьем занималась специально приглашённая портниха.

Всё было готово к предстоящему торжеству: сдвинутые столы застелены белоснежной, с замысловатыми узорами, скатертью, повсюду витал насыщенный хлебный дух с имбирными нотками, из приоткрытых кадушек тянуло ароматами квашеной капусты и солёной черемши, небогатую хату украшали искусственные цветы и свадебные ленты, а за воротами праздничная бричка стояла с запряжённой белой кобылой.

Всё, как у людей!

Только вот жених в лёжку.

– Игорку увидел, испужался, – односложно объяснил Ксанке угрюмый Оська.

– Испужался, – передразнила брата Ксанка и со всей дури ударила Тимошку ладонью по щеке.

– Ай, – завопил тот, более не в силах притворяться. От хлёсткой пощёчины его щека отчаянно загорелась, как будто на ней выжгли раскалённым железом позорное клеймо.

– Игорку увидел? – Тимошка попытался подняться, но Ксанка пригвоздила его к широкой скамейке, на которой он лежал, тяжёлым, уничтожающим взглядом. Глаза у неё были тёмные, как беззвёздное небо в непогожую ночь, и каждый раз, когда она глядела на него, в душе Тимоши что-то ломалось, – Ну ты и трус! Кота испугался, – она хрипло рассмеялась, – А ещё мужиком себя называешь!

– Да какой же это кот?! – возмутился оскорблённый её презрением Тимоша, – Не бывают коты такого размера!

– Игорка, кыс-кыс, – позвала хозяйка, и Тимоша резко вскочил, отчего его голова опасно закружилась.

– Не надо его звать, мама! Не надо! – заголосил он, хватая будущую тёщу за руки, – Я верю, что кот, только не…

Существо размером с годовалого телка, покрытое длинной рыжей шерстью, уже вышло из дальней комнаты и уселось в нескольких метрах от мигом захотевшего до ветру Тимошки, по-кошачьи выгибая спину.

Действительно кот, только очень большой. Его огромные, оранжевые с зелёными переливами глаза равнодушно скользнули по лицу застывшего с открытым ртом «жениха», и зверь принялся мягко вылизывать свои толстые, мохнатые лапы.

– Городской, – Ксанка брезгливо оттолкнула от себя руки Тимошки, которыми тот испуганно за неё цеплялся, – Не знаешь, какими коты бывают.

– Может, это рысь? – произнёс Тимофей неуверенно, и голос его дрогнул, – Вон и кисточки на ушах!

– Его Клавушка из тайги привела тем летом. Теперь это её кот, – ехидно улыбнулась будущая тёща, – Видишь, какие у Игорки когти? Только попробуй нашу Клавушку обидеть, Игорка с тебя шкуру живьём сдерёт! Понял?

От её угроз по спине Тимофея стёк липкий, холодный пот. Ещё несколькими минутами ранее он подумал грешным делом, что увидел жихаря (*домового) и испугался, как бестолковое дитя, но от того, что Игорка – не жихарь, а обычное животное, легче ему не стало.

Рысь или лесной кот, или что-то другое – всё одно, ведь дикий таёжный зверь – ещё один зловещий страж на пути к желанной свободе. Влип глупый Тимоша по самую макушку, застрял в мутной, вязкой трясине, и как из неё вылезти ума не приложит! Кругом враги, кругом злые лица и хищные морды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.